

— Божественный мужчина? — Е Чжичэнь смущённо провёл рукой по лицу, осознавая, что задал глупый вопрос.

Сяо Нин, напротив, заинтересовался:

— Я и правда не знал, что у нас в школе есть твой бог? Неужели это Цюй Мохань?

Ли Синь невольно вздрогнул:

— Как это может быть тот айсберг? Мой бог — учитель Цинь.

Цинь Цзыянь опустил голову, взял ложку и слегка размешал яичный суп с кусочками помидоров. Подняв глаза, он увидел, как Ли Синь, подперев щеку рукой, словно о чём-то задумался, и едва заметно улыбнулся. Тот факт, что Ли Синь мог открыто говорить об этом в его присутствии, означал, что он уже простил его в глубине души.

— Как ты познакомился с учителем Цинь? — Е Чжичэнь не мог понять. Цинь Цзыянь, безусловно, был знаменитостью в их школе, и всё женское население считало его «божественным мужчиной», но его слава вряд ли распространялась за пределы города. Если бы Ли Синь был из города S, это ещё можно было бы понять.

— Ты же признаёшь, что ты простой и грубый, с хорошо развитой мускулатурой, но не мозгом?

— Ли Синь закатил глаза и поманил их ближе:

— Открою вам секрет, хотя Цзыянь, наверное, уже знает. Учитель Цинь имеет ещё одно звание — он знаменитый писатель Бумага и Тушь.

— Что? — Е Чжичэнь и Сяо Нин ахнули, обменявшись взглядами. Увидев спокойное выражение лица Цинь Цзыяня, они не могли не поверить.

— У меня с Бумагой и Тушью многолетняя дружба, поэтому я знаю его реальные данные. Иначе зачем бы я переводился сюда? Я давно хотел посмотреть, где живет Бумага и Тушь, но всё откладывал, а теперь уже поздно сожалеть. — Ли Синь с грустной улыбкой скрыл печаль.

Е Чжичэнь и Сяо Нин молчали, всё ещё не оправившись от шока, в то время как Цинь Цзыянь сохранял полное спокойствие.

Ли Синь с улыбкой отпил супа и продолжил:

— Я также видел видео, где Бумага и Тушь выступал на юбилее академии. Мне очень понравилась его энергия во время каллиграфии — мощная, но в то же время изящная. Некоторые люди просто созданы для того, чтобы сиять на сцене, привлекая всеобщее внимание. Бумага и Тушь — один из таких.

Возможно, под влиянием Ли Синя, Е Чжичэнь невольно кивнул в знак согласия.

По всей школе висели работы Цинь Цзыяня, даже в кабинете директора. На прошлогоднем школьном фестивале искусств он выступал с каллиграфией, завершив работу за время одной песни. Е Чжичэнь до сих пор помнил аплодисменты и крики, которые чуть не сорвали крышу с актового зала.

Главное, что Цинь Цзыянь был красив и обладал редкой харизмой. Таких учителей мало, и девушки считали его сокровищем, постоянно упоминая его имя. Ходили слухи, что каждый год

множество людей рвётся вступить в клуб каллиграфии, но их истинные намерения были далеки от искусства.

Однако Е Чжичэнь с сомнением поднял бровь:

— Но как ты познакомился с учителем Цинь? По логике, ты должен был сначала узнать Бумагу и Тушь, а потом понять, что это учитель Цинь. Бумага и Тушь — известный писатель, и вы знакомы много лет. Сколько тебе было лет тогда?

— Кхм... — Ли Синь закатил глаза:

— Зачем тебе это знать? В общем, я знаком с учителем Цинь много лет. После окончания военной подготовки, Цзыянь, отведи меня к его родителям. Теперь, когда я открыл вам этот секрет, держите его при себе.

— погоди, какое отношение это имеет к Цзыяню? Я совсем запутался. — Е Чжичэнь с досадой прервал Ли Синя.

Он не любил такие запутанные и сложные вещи. Сначала ему сказали, что Цинь Цзыянь — это Бумага и Тушь, а теперь Цинь Цзыянь, похоже, близок с его семьёй. Они с Цинь Цзыянем учились в одном классе год, и он не знал об их связи.

— Родители учителя Цинь — мои наставники. Этим летом я учился у них каллиграфии. — Цинь Цзыянь просто ответил. Поскольку родители решили скрыть правду о его аварии, он не хотел распространяться об этом, иначе это могло бы повлиять на его будущее положение. Сейчас всё было хорошо.

— Неудивительно, что ты так изменился. — Е Чжичэнь кивнул, словно принял объяснение Цинь Цзыяня, но в душе был удивлён. Перемены в Цинь Цзыяне были кардинальными. Если раньше он этого не замечал, то теперь чувствовал, что его манера говорить и держаться действительно напоминала Цинь Цзыяня.

После обеда они вернулись в комнату отдыха, где уже собралась толпа людей, включая гостей из соседних групп. Шум и гам делали отдых невозможным. Цинь Цзыянь взял веер с эмблемой Академии Шэн Ло, сказал Ли Синю пару слов и вышел на лужайку.

Цинь Цзыянь нашёл большое дерево и прислонился к его стволу. Снаружи было не намного тише, люди постоянно сновали туда-сюда. Парни в этом возрасте были полны энергии, утром на тренировке они выглядели уставшими, но после обеда снова оживали и шумели без остановки.

Сейчас было время свободного отдыха, и даже если бы они подняли шум на всю округу, командир, инструктор и куратор не стали бы их останавливать.

Уснуть было невозможно. Цинь Цзыянь положил веер, согнул одну ногу и открыл блокнот. В воинской части условия были ограничены: телефоны забрали, не говоря уже о планшетах и компьютерах, поэтому он мог только записывать идеи и главы для своего романа в блокноте.

Два часа отдыха пролетели быстро, большая часть времени ушла на обед, и вскоре снова началась военная подготовка.

Цинь Цзыянь закрыл блокнот, взял его вместе с веером и встал, смахнув с брюк травинки. Сделав шаг, он вдруг почувствовал, как перед глазами потемнело, и ухватился за ствол дерева.

Блокнот и веер упали на землю. Закрыв глаза, он постарался избавиться от головокружения.

Это тело страдало от сильной анемии, и при усталости, долгом сидении или резком вставании часто возникало потемнение в глазах.

Цинь Цзыянь глубоко вздохнул и уже хотел наклониться, чтобы поднять блокнот, как кто-то опередил его, подняв упавшие вещи. На человеке была такая же камуфляжная форма с коротким рукавом, а на шее висел бейдж студенческого совета.

— Спасибо, председатель Цюй! — Цинь Цзыянь с улыбкой взял блокнот и веер, подняв глаза на бесстрастное лицо Цюй Моханя.

— Если плохо себя чувствуешь, сразу сообщи куратору и студенческому совету. — Цюй Мохань взглянул на бледное лицо Цинь Цзыяня и едва заметно нахмурился. Утром уже несколько студентов почувствовали себя плохо, но это были девушки.

— Хорошо, я понял, председатель Цюй. Тогда я пойду на построение. — Цинь Цзыянь кивнул, с лёгкой усмешкой про себя. Цюй Мохань, как всегда, был формалистом. Видимо, он просто проходил мимо, проверяя их группу. Студенческий совет отвечал за дисциплину всех студентов в воинской части.

Судьба повернулась так, что раньше он был учителем Цюй Моханя, и тот относился к нему с большим уважением. Теперь же он оказался под его управлением.

После нескольких дней строгих тренировок все постепенно привыкли к такому режиму.

5:30 утра: по сигналу все должны были встать, одеться, умыться и сложить одеяло в аккуратный квадрат.

6:00: все группы собирались на тренировочной площадке, где инструктор вёл их на утреннюю пробежку в течение получаса, а оставшееся время было свободным.

7:00: возвращение в свои группы для завтрака, небольшого отдыха и начала тренировок.

8:00: все группы должны были занять свои места на тренировочной площадке, которую выбирал инструктор. Командир и студенческий совет проводили обход.

11:30: утренние тренировки заканчивались, и начинался двухчасовой перерыв на обед.

17:30: тренировки завершались, и все возвращались в свои группы для получасового отдыха, после чего следовал ужин и свободное время.

20:00: каждый должен был взять пластиковый стул, выданный в части, и собраться в группе под руководством инструктора для пения военных песен. В первый день они потратили полчаса только на то, чтобы правильно расставить стулья, пока все не выполнили это действие с точностью до щелчка.

21:00: время пения заканчивалось, и все возвращались в комнату отдыха, чтобы взять сменную одежду и отправиться в душ.

21:30: последнее построение, на котором командир и куратор подводили итоги дня, и тренировки официально завершались.

<http://bllate.org/book/17678/1647944>